

ОГЛАВЛЕНИЕ

От автора	5
Введение	8
<i>Глава I</i>	
ОБРАЗЫ МОНАРХИИ И ПОЛИТИЧЕСКИЕ СЛУХИ	15
<i>Глава II</i>	
ИЗУЧЕНИЕ СЛУХОВ: НЕКОТОРЫЕ ИСТОЧНИКИ	34
<i>Глава III</i>	
ДЕЛА ПО ОСКОРБЛЕНИЮ ЧЛЕНОВ ИМПЕРАТОРСКОЙ СЕМЬИ: ОСОБЕННОСТИ ПРЕСТУПЛЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ ИСТОЧНИКА	43
<i>Глава IV</i>	
ЛИКИ «ДЕРЖАВНОГО ВОЖДЯ»: ОБРАЗЫ НИКОЛАЯ II В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ	72
1. Единство царя и народа: Репрезентации императорской власти в начале войны	73
2. «Державный хозяин» объезжает свои владения: Поездки императора и монархически-патриотическая мобилизация	99
3. «Венценосный главнокомандующий»: Образы царя- полководца	131
4. Простой царь и простоватый государь: Николай II как объект воздействия враждебных сил	194
5. «Царь-предатель»	228
<i>Глава V</i>	
ОБРАЗЫ ИМПЕРАТРИЦЫ АЛЕКСАНДРЫ ФЕДОРОВНЫ В ГОДЫ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ И МАССОВАЯ КУЛЬТУРА РЕВОЛЮЦИОННОГО ВРЕМЕНИ	241
1. Августейшая сестра милосердия	246
2. «Царица-немка»: слухи о предательстве императрицы	289
3. Правление императрицы	313
4. «Неверная жена»	319
5. Репрезентационная ошибка? Образ сестры милосердия в русской культуре эпохи Первой мировой войны	326

6. Слухи об аресте царицы и покушениях на нее 344
7. Политическая порнография: «Распутинада» до и после
Февраля 352

Глава VI

- АВГУСТЕЙШИЙ ВЕРХОВНЫЙ ГЛАВНОКОМАНДУЮЩИЙ:
ВЕЛИКИЙ КНЯЗЬ НИКОЛАЙ НИКОЛАЕВИЧ
В РЕПРЕЗЕНТАЦИЯХ, ОСКОРБЛЕНИЯХ И
СЛУХАХ ЭПОХИ ПЕРВОЙ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 375**
1. Происхождение, биография, репутация 377
2. Воззвание к полякам и образ великого князя 398
3. Патриот и германофоб 410
4. «Великий защитник земли русской»: образы Верховного
главнокомандующего в общественном мнении 416
5. «Николай III»: Противопоставление Верховного
главнокомандующего и императора 444
6. Великий князь Николай Николаевич
как отрицательный персонаж 463
7. Смещение Верховного главнокомандующего 478
8. Новые слухи 491
9. Наместник на Кавказе 494
10. Великий князь и революция 506

Глава VII

- ВДОВСТВУЮЩАЯ ИМПЕРАТРИЦА МАРИЯ ФЕДОРОВНА
В ПАТРИОТИЧЕСКОЙ ПРОПАГАНДЕ,
«НАРОДНЫХ» СЛУХАХ И ОСКОРБЛЕНИЯХ 515**

Глава VIII

- ИСТОЧНИКИ АНТИДИНАСТИЧЕСКИХ СЛУХОВ 530**

Глава IX

- АНТИМОНАРХИЧЕСКОЕ СОЗНАНИЕ? 552**
Заключение 566

- Примечания 579
Список сокращений 640
Список иллюстраций 641
Именной указатель 645

В области явлений коллективной психики и следует искать причины быстроты свержения Царской власти в мартовские дни 1917 года.

Генерал Н.Н. Головин

Введение

Слова «любовь» и тем более «эротика» в сочинении, посвященном политической истории, звучат странно. Во всяком случае, значительно более странно, чем слово «ненависть». Небесспорное утверждение К. Шмитта о том, что понятие «враг» является фундаментальной категорией политического сознания, воспринимается теперь порой как банальность. Действительно, невозможно представить себе политическую историю без врагов — физических и воображаемых, которые порой становятся гораздо более важными, чем враги «реальные». Изучение истории образов врага ныне воспринимается, наконец, как занятие, вполне достойное уважаемого представителя академической науки.

Большие сомнения могут вызвать попытки написания историй политической любви, любви счастливой и несчастной, любви взаимной и безответной.

Однако и без любви, влюбленности и ревности порой невозможно представить сферу политического. Многократно изучавшаяся, но все же загадочная любовь масс к вождям стала одной из разрушительных сил XX века. Русская революция 1917 года не является в этом отношении исключением, показателем пропагандистский штамп, который использовался по отношению к А.Ф. Керенскому его сторонниками и поклонниками: «Любовь революции», «Первая любовь революции» (так, например, именовал после Февраля Керенского известный этнограф В.Г. Богораз-Тан)¹. Этот штамп использовал в названии своей книги и британский историк Р. Эбрахам, автор лучшей на сегодняшний день научной биографии «министра революции»: «Александр Керенский: Первая любовь революции»². Любовь первая, но не последняя, и не самая большая.

Слово «любовь», разумеется, используется часто как метафора, но оно необходимо для описания сложной сферы политического,

насыщенной всевозможными эмоциями. Особое значение имеет любовь в языке монархии; если идеальный государь должен быть строгим и справедливым отцом для своих подданных, «отцом отечества», или «матерью отечества», то его «дети» — чаще всего речь идет о «сыновьях» — отвечают ему любовью, этот термин использовался издавна в царских указах и манифестах. Отношения между царем и его подданными описывались как отношения эмоциональные, а не правовые³. Но не следует полагать, что метафора большой семьи, спаянной любовью к отцу, описывает все эмоциональные проявления монархизма, диктуемые культурой подданства. Царя нередко любят не только как отца. Слова «возлюбленный», «объятия» и даже «экстаз» употребляются, как мы увидим, и в самоописании монархии, и в политических текстах образцовых русских монархистов.

Название данной книге дало высказывание религиозного философа С. Булгакова, который не раз возвращался в воспоминаниях к непростой истории своей личной любви к последнему русскому императору. Это чувство он описывал как «трагическую эротику». Такое шокирующее определение невозможно понять, если не охарактеризовать политическую эволюцию философа.

Путь Булгакова к особому варианту своего собственного монархизма, если доверять его воспоминаниям, был весьма сложным. Во время учебы в духовной семинарии автор избрал для себя довольно распространенную уже роль «интеллигента», т.е. он решительно отверг религию и монархию (монархизм и религиозность были ранее слиты в его сознании):

Однако, именно на этих путях, общественного и государственного самоопределения, меня ждали наибольшие трудности и искушения, особенно в отношении к священной царской власти. Здесь я сразу и всецело стал на сторону революции с ее борьбой против «царизма» и «самодержавия». Это явилось совершенно естественным, что с утратой религиозной веры идея священной царской власти с особым почитанием помазанника Божия для меня испарилась, и хуже того, получила отвратительный, невыносимый привкус казенщины, лицемерия, раболепства⁴.

И в сознании многих других современников разного происхождения и разного уровня образования религиозные сомнения, и тем более атеизм, были связаны с отрицанием монархии. Затем, став

студентом университета, Булгаков, по его собственному признанию, настолько утвердился в своем антимонархизме, что некоторое время он даже мечтал о цареубийстве⁵. Немало русских юношей того времени хотя бы на миг примеряли на себя роль террориста, казнящего от имени народа «палача в короне»...

События 1905—1906 годов привели к тому, что Булгаков отверг путь революции, стал, по его собственному выражению, «почвенником», однако при этом он еще не стал монархистом, не полюбил царя и не поверил в монархию. Показательно, что он писал при этом о любви: «В мою “почвенность” идея монархии и монархической государственности отнюдь не входила. Вопрос о монархии есть, в сущности дела, вопрос любви или нелюбви (есть любовь и в политике), и я не любил Царя»⁶. Даже возвращение в церковь не изменило первоначального отношения Булгакова к империи и императору.

Однако в канун войны, по его собственному признанию, Булгаков стал «царистом». В данном случае его религиозная эволюция повлияла и на динамику политических взглядов. Булгаков, впрочем, также утверждал, что эмоциональный толчок для осознания его собственной любви к государю дала личная встреча с царем:

Не хочу здесь богословствовать о царской власти, скажу только, что это чувство, эта любовь родилась в душе моей внезапно, молниеносно, при встрече Государя в Ялте, кажется в 1909 году, когда я его увидел (единственный раз в жизни) на набережной. Я почувствовал, что и Царь несет свою власть, как крест Христов, и что повиновение Ему тоже может быть крестом Христовым и во имя Его. В душе моей, как яркая звезда, загорелась идея священной царской власти, и при свете этой идеи поновому загорелись и засверкали, как самоцветы, черты русской истории; там, где я раньше видел пустоту, ложь, азиатчину, загорелась божественная идея власти Божьей милостью, а не народным произволением. Религиозная идея демократии была обличена и низвергнута, во имя теократии в образе царской власти⁷.

Внезапный акт своего перерождения в «цариста», полюбившего императора, Булгаков описывает как эмоциональное потрясение и религиозное озарение. Оно, очевидно, было подготовлено предшествующими событиями, философскими и политическими исканиями мемуариста, однако важным непосредственным толчком стала его собственная встреча с самим монархом. Автор дает понять,

что и сама личность императора, а не только осмысленная по-новому идея монархии была важна для его перерождения, завершившего процесс десекуляризации его политического сознания. Он полюбил не только абстрактного Царя, олицетворяющего политический принцип монархии, живой символ российской государственности, но и определенного человека, царствующего императора Николая II. Разумеется, «царизм» такого особого человека, как Булгаков, был индивидуальным, по-своему уникальным, но и официальный монархизм, и монархизм многих правых радикалов был и религиозно-политическим, и эмоционально окрашенным. От верных подданных русского царя ждали и требовали не только корректного уважения носителя верховной власти, но и искренней любви к своему государю.

Однако объект политической любви Булгакова все же не соответствовал, по его мнению, образу идеального государя: последний русский император, к его сожалению, действовал и выступал «не как царь», но как полицейский самодержец, «фиговый лист для бюрократии». Подобно многим другим искренним монархистам того времени, Булгаков обличал «бюрократию», которая мешала-де слиянию народа и государя, и мечтал о том, чтобы лично повлиять на императора с помощью собственных откровенных посланий, которые, впрочем, он так никогда и не отправил царю.

Война первоначально сняла это болезненное противоречие между искомым идеалом и несовершенной действительностью: чувство любви к царю у Булгакова теперь уже ничем не омрачалось. Однако затем он вновь ощутил трагичность своего положения, от всей души желая любить своего императора, он в то же время не мог любить его искренне.

Отношения к царю такого незаурядного человека, как Булгаков, были, разумеется, особенными, его история трагической любви к императору была индивидуальной. Невозможно доказать, что она была типичной. Но была ли она исключительной? Во всяком случае, о любви к царю писалось и говорилось накануне революции немало.

Язык монархии издавна был эмоционально насыщен, нормативные требования монархической риторики предполагают использование языка любви и счастья. Именно такой язык и употреблялся современниками Николая II. Если читать официальные отчеты того времени, то может возникнуть обманчивое впечатление, что все верноподданные российского императора всегда были

«безмерно счастливы», когда они имели счастливую возможность лицезреть «возлюбленного монарха».

Официальная риторика российской монархии предполагала и формулы нормативной сакрализации: словосочетание «Священная особа Государя Императора» встречается в различных документах. Для части современников эти постоянно повторяющиеся обязательные бюрократические формулы были застывшими, архаичными, потерявшими всякий живой смысл. Однако для части верующих, каковым был и сам С. Булгаков до своего превращения в «интеллигента», они все еще имели особое значение. Сакрализация, вообще неизменно присутствующая в политике, в условиях монархии приобретает огромную нагрузку, особенно в тех случаях, когда глава государства являлся и главой церкви. Многомерный и противоречивый процесс секуляризации общественного сознания, разворачивающийся в Новое время, не мог не затронуть монархическое сознание. Однако язык политической любви продолжал использоваться и в официальных документах, и в частной корреспонденции.

Некий провинциальный священник писал в ноябре 1914 года в личном письме: «Вчера наш Орел имел высокое счастье видеть на своих стогнах Государя Императора. Близость к нему порождает какое-то особое состояние, изобразить которое положительно невозможно. В нем соединяется и чувство удовлетворения, спокойствия и веры в себя, как частицы того великого, что сливается, объединяется в нашем Царе»⁸ (подчеркнуто в источнике).

Разумеется, вновь следует отметить, что устоявшиеся веками бюрократические формы монархической отчетности часто, хотя и не всегда, были лишь привычными штампами, использовавшимися издавна, они не давали представления о действительном эмоциональном состоянии людей, их употреблявших, даже и тогда, когда соответствующие слова проникали в личную переписку (хотя в данном случае автор письма прибегал к подобной риторике намеренно, осмысленно).

Однако постоянное употребление тех или иных слов, введение политических терминов в свой язык не проходит бесследно для людей, их использующих. Умение «говорить по-большевистски», которым в СССР овладели, добровольно или вынужденно, по разным причинам миллионы людей, имело огромные политические последствия⁹. Говорить же «по-монархически» жители Российской империи обучались веками.

Случай С. Булгакова свидетельствует и о том, что встречи, очные и заочные, подданных со своим императором не всегда были бесстрастными, хотя оппозиция «любовь—ненависть» не передает разнообразие сильных политических эмоций, овладевавших массами.

Показательно, что дискуссии об особенностях любви верноподданных к своему императору возникали на деловых встречах весьма влиятельных и очень занятых людей. Исключения не составляли и заседания Совета министров Российской империи: главы правительственных ведомств увлеченно и аргументированно спорили о своей политической любви к царю.

На важном заседании правительства 21 августа 1915 года обер-прокурор Св. синода А.Д. Самарин заявил: «Я тоже люблю своего Царя, глубоко предан Монархии и доказал это всей своею деятельностью. Но если Царь идет во вред России, то я не могу за ним покорно следовать». Рассуждения Самарина о болезненном конфликте между чувством любви к монарху и патриотическим долгом были направлены против утверждений председателя Совета министров И.Л. Горемыкина, который ставил знак равенства между монархизмом и патриотизмом, понятия «царь» и «Россия» были для него неразделимы. Самарин тем самым утверждал свое право любить царя по-своему, хотя и не отрицал за другими право любить его иначе. Горемыкин же, который сам характеризовал свои представления как «архаичные», не готов был рассуждать в духе монархического плюрализма, он отстаивал свое понимание любви к императору как единственно правильное: «Мое мнение сводится к тому, что воля Царя есть воля России, что Царь и Россия неразделимы, что этой воле мы обязаны подчиняться и что русскому человеку нельзя бросать своего Царя на перепутье, как бы лично ни было трудно»¹⁰.

И для Самарина, и для Горемыкина разговор о монархии, о любви к царю — разговор особый, не только политический, но и религиозный. Для них обсуждение типов любви к царю — это проблема не только политической теории и практики, но и политической теологии.

Если современники нередко использовали слово «любовь» в своих дискуссиях и придавали ему большое значение, то это оправдывает интерес историка к изучению данного аспекта политической риторики. Для понимания предреволюционной России это не менее важно, чем выявление в точности запасов муки в Петрограде зимой 1916/17 года или количества листовок, изданных подпольными организациями.

Большинство людей, любивших или ненавидевших, презиравших или жалевших царя и других членов императорской семьи, никогда лично их не встречали. Представление об этих «августейших особах» складывалось у них годами, под воздействием газетных сообщений и церковных проповедей, просмотра кинохроники, разглядывания настенных календарей и лубков, парадных портретов, висевших в присутственных местах и школьных классах, изображений царей на почтовых марках. И, не в последнюю очередь, это представление складывалось под влиянием разнообразных анекдотов и слухов. О членах императорской семьи судили по образам, распространявшимся этими различными каналами, а воспринимались, «переводились», редактировались эти образы в зависимости от современного контекста, а также под влиянием предшествующей «личной» истории отношений современников с образами данных персонажей.

Соответственно в данной книге предпринята попытка изучения тех образов членов императорской семьи, которые производили особенно сильное впечатление на современников, которые влияли на общественное сознание и на политическую борьбу в канун революции 1917 года.

Разумеется, так называемая «фактическая биография» Романовых порой не имела никакого отношения к истории жизни их многообразных и противоречащих друг другу образов, но порой именно последние оказывали большее воздействие на политический процесс, чем реальные действия соответствующего персонажа. Нередко именно эти образы определяли и политическую судьбу оригинала. В некоторых же случаях и прототипы образов желали, чтобы их портреты выглядели иначе — они хотели казаться моложе или красивее, проще или величественнее, воинственной или милосерднее. Для историка важны все эти образы — парадные портреты, автопортреты, романтические изображения, шуточные шаржи, злые карикатуры и даже порнографические картинки представляют не меньший интерес, чем фотографии или «реалистичные картины», при условии, если они действительно были востребованы современниками. Перед исследователем стоит сложная задача реконструкции замыслов создателей этих разнообразных образов, наполняющих портретную галерею последних Романовых. Но не менее важна и реакция зрителей и читателей, которые воспринимали и использовали образы по-своему, искажая тем самым изначальные замыслы заказчиков и цензоров, художников и писателей.